

Миф Достоевского в России и Германии 1920-х годов: перипетии и парадоксы культурного трансфера

OLGA BOGDANOVA, *The A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences*
olgabogda@yandex.ru

Received: July 25, 2017.

Accepted: November 11, 2017.

АННОТАЦИЯ

В статье освещается необычная история первой публикации ряда рукописей Ф.М. Достоевского – на иностранном (немецком) языке и в другой стране (Германии). Вскрыты причины, обусловившие замысел и осуществление беспрецедентного издательского проекта мюнхенского Piper-Verlag – 8-томной серии «Наследие Достоевского» (1925–1931) с комментариями лучших российских литературоведов: А. С. Долинина, В. Л. Комаровича, Л. П. Гроссмана, Н. Л. Бродского, П. Н. Сакулина и др. Малоизвестные обстоятельства этого проекта выяснены с помощью архивных разысканий. Кроме того, на основе отзывов современников (в рецензиях, статьях, монографиях) показано значение томов «Наследия Достоевского» в контексте формировавшейся в те годы мировой науки о писателе. Охарактеризованы содержание и научная тенденция каждого из томов. Особое внимание уделено подготовленному В. Л. Комаровичем в 1928 году тому «Наследия...» под названием «Первообраз “Братьев Карамазовых”». Здесь впервые публикуемым рукописям последнего романа Достоевского предпосланы предисловие З. Фрейда «Достоевский и отцеубийство», специально написанное для этого издания, и фундаментальное исследование Комаровича о творческой истории и поэтике романа, в котором видное место занимает вопрос о «земле» в «Братьях Карамазовых». Приведены отклики на издание из советской и эмигрантской периодики 1920-х годов. Осмыслены факты и обстоятельства путешествия вдохновителя и организатора серии австрийского критика Р. Фулоп-Миллера в Советскую Россию 1923-1924 годов в поисках неизвестных материалов Достоевского и о нем. Отмечена перспективность дальнейшего изучения контактов российской и немецкой науки о великом русском писателе. В статье использованы герменевтический, историко-типологический и сравнительно-исторический методы, а также элементы концептуального (константологического) анализа.

Ключевые слова: Р. Фулоп-Миллер, “Piper-Verlag”, серия «Наследие Достоевского», рукописи, земля.

“Garbage” for “Dying” Bourgeoisie, or the “Dostoevsky’s Heritage” in Germany of 1920ies

ABSTRACT

The article describes the unusual history of the first publication of several manuscripts by F. M. Dostoevsky in foreign (German) language and in another country (Germany). Uncovered factors affecting the design and implementation of an unprecedented publishing project of the Munich Piper-Verlag – eight volume series of the “Dostoevsky’s heritage” (1925–1931) with reviews of the best Russian literary scholars: A. S. Dolinin, V. L. Komarovich, L. P. Grossman, N. L. Brodsky, P. N. Sakulin, etc. The little-known circumstances of this project clarified with the help of archival studies. In addition, on the basis of the contemporary critiques (reviews, articles, monographs) shown the value of the volumes of the “Dostoevsky’s Heritage” in the context of evolving in those years the world science of writer. Characterized the contents and a scientific trend of each volume. Special attention is paid to the volume “Prototype of “The Brothers Karamazov”, prepared by V. L. Komarovich in 1928. Here for the first time published the manuscripts of the last Dostoevsky’s novel, which were prefaced with Z. Freud’s foreword “Dostoevsky and parricide”, specially written for this edition, and the fundamental research by Komarovich about the creative history and poetics of the novel, where prominent place occupied the issue of “land” in “The Brothers Karamazov”. Also given the responses to the publication of Soviet and emigrant periodicals of 1920-ies. Absorbed the facts and circumstances of travel of the inspirer and organizer of the series, the Austrian critic R. Fulop-Miller in

Soviet Russia 1923–1924 in search of the unknown materials of Dostoevsky and about him. There are the outlooks of further study of the contacts between Russian and German science about the great Russian writer. The article uses the hermeneutic, the historical-typological and historical-comparative methods, and the elements of conceptual (constantology) analysis.

Keywords: R. Fulop-Miller, “Piper-Verlag”, series “Dostoevsky’s heritage”, manuscripts, land.

«Наследие Достоевского» – это общее название 8-томного издания рукописей и материалов Ф. М. Достоевского на немецком языке, осуществленного в 1925–1931 годах издательством «Пипер» (“Piper-Verlag”). Основанное в Мюнхене в 1904 году Рейнхардтом Пипером (1879–1953), оно ориентировалось на культурное сотрудничество с Россией. Одним из первых проектов стало издание каталога художественной группы «Синий всадник» во главе с В. В. Кандинским (1912). Главные же интересы издательства были связаны с творчеством Достоевского. В 1905 году началась подготовка первого Полного собрания сочинений писателя (F. M. Dostojewskis Sämtliche Werke) на немецком языке в 22 томах, в котором приняли участие А. Мёллер ван ден Брук, Д. С. Мережковский и Д. В. Философов. Оно было завершено в 1919 году. С этого издания и началось всегерманское признание русского писателя, который стал в межвоенные годы настоящим «властителем дум» в этой стране. В 1910–1920-е годы Пипер также издает несколько исследований о Достоевском: Г. Бара, Мережковского, О. Ю. Бирбаума, О. Кауса, А. Л. Вольнского. В 1925–1931 годах он осуществляет второй (после Полного собрания сочинений) грандиозный проект, связанный с Достоевским, – приоритетный выпуск серии неизвестных рукописных материалов русского классика под общим названием «Наследие Достоевского» (“Der Dostoevski-Nachlaß”), в которую вошли 8 томов с сопроводительными статьями и комментариями лучших русских ученых: А. С. Долинина, В. Л. Комаровича, Л. П. Гроссмана, Н. Л. Бродского, П. Н. Сакулина, И. И. Гливенко. Одновременно выпускались отдельные иллюстрированные издания Достоевского. Тиражи переводов русского «властителя дум» немецкой интеллигенции достигли пика в 1921 году – 203000 экземпляров (См.: Смирнов, 2008: 44).

В составе издательской серии «Наследие Достоевского» вышли следующие тома: «Die Lebenserinnerungen der Gattin Dostojewskis» (1925); «Das Tagebuch der Gattin Dostojewskis» (1925); «Dostojewski am Roulette» (1925), «Der unbekannte Dostojewski» (1926); «Die Beichte eines Juden. Briefwechsel des Juden Kowner mit Dostojewski» (1927); «Raskolnikoffs Tagebuch. Mit unbekanntem Entwürfen, Fragmenten und Briefen zu Raskolnikoff und Der Idiot» (1928); «F.M. Dostojewski. Die Urgestalt der “Brüder Karamasoff”. Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente» (1928); «Polina Suslowa. Dostojewskis ewige Freundin. Tagebuch, Novelle und Briefe» (1931)¹ в немецких переводах Д. Уманского, В. Митрофановой-Демелич и Р. Симович. Однако первоначальный замысел был существенно шире – планировалось сделать 15–16

¹ «Воспоминания жены Достоевского» (1925); «Дневник жены Достоевского» (1925); «Достоевский на рулетке» (1925); «Неизвестный Достоевский» (1926); «Исповедь одного еврея. Переписка еврея Ковнера с Достоевским» (1927); «Дневник Раскольникова. Неизвестные планы, фрагменты и письма о романах “Раскольников” и “Идиот”» (1928); «Ф.М. Достоевский. Первообраз “Братьев Карамазовых”»: источники, планы и фрагменты Достоевского» (1928); «Полина Сулова. Вечная подруга Достоевского. Дневник, повесть и письма» (1931) (нем.). Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, перевод с немецкого А. Паля.

выпусков по 400–500 страниц, материал для которых содержался в привезенных из России ящиках: «Ежегодно будут издаваться приблизительно по 4 тома. Содержание томов будет следующим: наброски, планы и неопубликованные главы больших романов (3 тома); записные книжки (1 том); письма жены (1 том); письма к друзьям, писателям, политикам, поклонникам (избранное в 2-х томах); исповедь еврея – переписка с Ковнером (1 том); Достоевский на рулетке – приключения писателя-игрока (1 том); Достоевский-публицист (1 том); воспоминания жены Достоевского (1 том); стенографический дневник жены Достоевского с первых месяцев брака (1 том); Достоевский и его брат Михаил (1 том); Полина Суслова – “вечная подруга” Достоевского (1 том); воспоминания друзей Достоевского – в биографическом порядке (1 том)» (Der Dostojewskis Nachlass, 1924: 123).

Главным организатором издания был венский критик и публицист Рене Фюлоп-Миллер (1891–1963), действовавший при поддержке известного в Вене теософа Фридриха Экштейна (1861–1939). Их имена стоят на титуле всех выпусков «Наследия Достоевского».

Рене Фюлоп-Миллер (настоящее имя Филипп Мюллер) был автором книг о большевизме, о судьбах культуры в Советской России, о В. И. Ленине и М. Ганди, об иезуитах, о русской охранке, о Льве Толстом и т. д. Возможно, и к Достоевскому Фюлоп-Миллера привели определенная скандальность в глазах массового читателя и парадоксальность его фигуры, он явно был под впечатлением «мифа о Достоевском», почерпнутого из сочинений популярного в Германии Д. С. Мережковского («бывший Петрашевец и каторжник, будущая противоестественная помесь реакционера с террористом, полубесноватый, полу-святой») (Мережковский, 1906: 26). Об этом свидетельствует и выбор тем для томов серии: рулетка, женщины, еврейский вопрос, отцеубийство – все то, что могло привлечь сенсационное внимание к русскому писателю и обеспечить финансовый успех издания, на который рассчитывал Фюлоп-Миллер, когда приобретал материалы Достоевского в большевистской Москве 1923–1924 годов. В 1935 году Фюлоп-Миллер покинул Австрию, некоторое время жил в Париже, а с 1939 года поселился в США, где стал довольно известным журналистом и писателем. Свое видение Достоевского, сформированное в многочисленных предисловиях к томам «Наследия Достоевского», он обобщил в книге, предназначенной для американского читателя – см.: (Fulop-Miller, 1950)². Русский писатель здесь предстает «предшественником психоанализа», а его творчество – «сублимацией» бессознательных напряжений.

Фридрих Экштейн – с 1887 года президент Венского теософского общества, имевший обширные знакомства среди ведущих мыслителей, писателей и музыкантов Вены. В разное время его друзьями были А. Адлер, А. Безант, Е. Блаватская, Г. Майринк, Марк Твен, Л. Д. Троцкий, З. Фрейд, Р. Штайнер и многие другие. Именно этот «легендарный <...> старец» (Fülör-Miller, 1951: 400) связал Фюлоп-Миллера с первоначальным спонсором издания фирмой “Manz”, а затем, возможно, и с “Piper-Verlag”.

Сам замысел серии был обусловлен эпохой 1920-х годов с ее некоторой

² Фюлоп-Миллер, Рене. Федор Достоевский: озарение, вера, пророчество / Пер. с нем. Ричарда и Клары Уинстон. Нью-Йорк: Сыновья Чарлза Скрибнера, 1950 (англ.).

усталостью от глобальных историософских обобщений и стремлением хотя бы к относительной общественной стабильности. Культурные интересы переместились на область частного, интимно-личного, в результате чего в центре внимания оказались проблемы эстетико-психологического характера, исследование творческой лаборатории писателя, глубинных импульсов его самовыражения. Кроме того, именно в этот период шел интенсивный процесс становления литературоведения как частной гуманитарной науки (Подробнее см.: Богданова, 2014; Богданова, 2016). Недаром 1920-е годы отмечены всплеском интереса к поэтике художественных произведений как в России (СССР), так и в Германии. Симптоматична в этом отношении книга Ю. Мейера-Грефе «Достоевский-художник» (См.: Meier-Graefe, 1926), впервые в обширной к тому времени немецкой критике о Достоевском поднимавшая вопросы поэтики писателя: речевого стиля, композиции, системы образов и т. п. Закономерно и хорошее знакомство Мейера-Грефе с новейшими российскими исследованиями «по истории текста и творческих замыслов Достоевского» (Бережков, 1928: 313).

Томы «Наследия Достоевского» – целиком в этой струе. Цель многих из них – раскрыть по рукописным вариантам «творческую историю» шедевров Достоевского, в соответствии с декларированным Н. К. Пиксановым «новым путем литературной науки» – «телеогенетическим» методом (См.: Пиксанов, 1923), сущность которого – в изучении эволюции замысла конкретного произведения по рукописным и печатным редакциям исходя из «целесообразности» всех художественных элементов для передачи определенного идейно-эстетического задания. Здесь же печатались новаторские текстологические и историко-литературные исследования российских ученых. «Благодаря томам “Наследия...” предрассудок о том, что Достоевский был не очень дисциплинированным писателем, хотя и имевшим превосходные идеи, но все-таки не способным придать им упорядоченную форму, был разрушен. Списки синонимов на некоторых страницах рукописей, точные исследования, сделанные в процессе написания ряда произведений, наброски незаконченных вещей позволяют нам заглянуть в “мастерскую” писателя» (Garstka, 1998: 81) в томах «Неизвестный Достоевский», «Дневник Раскольникова», «Первообраз “Братьев Карамазовых”».

В других томах, в поисках общечеловеческого знаменателя – фрейдовского «Оно», управлявшего творческим воображением гения, – как будто приоткрывались бессознательные глубины великого «преступника-каторжника», «игрока» и неверного мужа.

Именно в эти годы психоанализ в европейских странах, не исключая Советскую Россию, из сугубо медицинского метода превратился в мощную культуuroобразующую тенденцию, захватившую и литературные исследования. В «Наследии Достоевского» она сказала не только во вступительной статье Фрейда к тому с рукописями «Братьев Карамазовых» (1928), но и в самой концепции издания, в текстах предисловий Экштейна и Фюлоп-Миллера. Например, в статье последнего «Рукописи Достоевского», предваряющей том «Неизвестный Достоевский» (1926), исследовалось и признавалось неслучайным соседство на одних и тех же страницах денежных расчетов, записей об эпилептических припадках, каллиграфических эзерсисов с планами и набросками великих художественных произведений. Так, по наблюдению критика, наиболее «творчески сильные страницы у Достоевского – эпилептическая предроманная аура»,

а между рисунками, каллиграфическими записями имен исторических лиц (Юлий Цезарь, Калигула, Веспасиан, Магомет, Наполеон и др.) и «ходом повествования» имелась бессознательная «глубокая связь», так как «вместе они – разные аспекты выражения одной художественной идеи» (Fülöp-Miller, 1926: 10, 14)³.

Постараемся понять, почему это издание вообще стало возможным – ведь неопубликованные рукописи великого русского писателя-классика хранились на его родине и должны были там считаться национальным достоянием, культурным сокровищем, которое недопустимо расточать на стороне. Однако политическая ситуация, сложившаяся в «стране “Братьев Карамазовых”» (Fülöp-Miller, 1951: 397) к началу 1920-х годов, практически отменила этот, казалось бы, очевидный тезис: на своей ставшей советской родине «архискверный», по выражению В. И. Ленина, и «реакционный», по мнению А. М. Горького, автор «Бесов» воспринимался новой большевистской властью настороженно (Подробнее см.: Zakharov, 2010).

Вот что писал об этом совершивший в 1923–1924 годах путешествие в Советскую Россию за неопубликованными рукописями Достоевского Фюлоп-Миллер: «В 1920-е годы правители Советской России шизофренически относились к некоторым русским классикам, в частности к Достоевскому. <...> Интересовавшийся художественной литературой нарком Луначарский вначале попробовал интерпретировать Достоевского как пророка большевистской революции. Однако после негативных отзывов о нем Ленина и Горького <...> единственным выходом <...> было превратить Достоевского в музейный материал. <...> Официальное советское издательство “Госиздат” объявило творческое наследие Достоевского национальной собственностью и сохраняло его, но одновременно опасалось его популяризировать из-за неизбежных идеологических столкновений с советской властью.

Это амбивалентное отношение и дало мне возможность осуществить свой план. Я решил обратиться в “Госиздат” с просьбой о продаже мне за валюту <...> прав на издание неопубликованных материалов Достоевского за рубежом» (Fülöp-Miller, 1951: 397).

В поисках нужных связей Фюлоп-Миллер встретил в одном из московских магазинов Константина Уманского⁴ – своего давнего венского знакомого, уже ставшего, несмотря на молодость, крупным советским чиновником (Fülöp-Miller, 1951: 397). Реакция Уманского живо демонстрирует то отношение советской власти к Достоевскому, которое и позволило в конечном итоге осуществиться второму «достоевскому» проекту мюнхенского издательства “Piper”. «Вот в таких случаях и видно, как безнадежно отстали вы, буржуи, – ответил он Фюлоп-Миллеру. – Мы в Советской России занимаемся сейчас тем, что строим будущее царство подлинной человеческой культуры, а вы все еще находитесь на духовном уровне питекантропов. Наследием Достоевского в настоящее время могут интересоваться только палеонтологи, которые ищут окаменелые остатки прежней жизни <...>». Однако, заключил Уманский, «<...> [е]сли этот хлам осчастливит тебя и твою гибнущую буржуазию и вы на самом деле

³ Перевод с немецкого Т.В. Кудрявцевой.

⁴ Уманский К.А. (1902–1945) – советский дипломат и журналист, в 1922–1931 годах сотрудник Российского телеграфного агентства (РОСТА), затем Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС); в 1936–1945 годах посол СССР в США, Мексике, Коста-Рике.

хотите заплатить за это, я не против. Доллары нужны нам для перестройки культуры, они важнее, чем стопа пыльных рукописей»» (Fülöp-Miller, 1951: 398).

Впрочем, иностранцу были проданы не оригиналы рукописей великого русского писателя, но только их машинописные копии с правом первого издания этих материалов за границей. После ряда посреднических операций их в итоге приобрел Р. Пипер по цене 30000 золотых марок. «Чтобы располагать такой суммой, издателю пришлось взять кредит. Вскоре он получил примерно 30 маленьких ящиков размером с обувные, в которых размещались материалы наследия Достоевского в машинописных копиях» (Garstka, 1998: 79).

Подлинники пока еще не опубликованных в СССР рукописных материалов Достоевского находились в российских архивах, где их разбирали и комментировали советские ученые, так что право их публикации влекло за собой необходимость переводить и печатать сопровождавшие их научные разыскания. Последнее обстоятельство придавало томам «Наследия...» дополнительную ценность, стимулируя обмен идеями и способствуя становлению немецкой науки о Достоевском. В 1930 году Т. Кампманн писал, что, благодаря помещенным в «Наследии...» исследованиям русских ученых, «немецкая критика Достоевского» сильно обогатилась и многое из представленных материалов, без сомнения, станет востребованным для дальнейших штудий (См.: Kamprmann, 1931: 119)⁵. Сходное мнение о роли пиперовской серии в становлении немецкого достоевсковедения высказал и современный исследователь Х.-Ю. Геригк (См.: Gerigk, 2004: 115–116).

Необычная история публикации рукописного наследия Достоевского, напрямую связанная с издательством “Piper”, получила резонанс как в советской печати, так и в среде русской эмиграции. «После смерти литературной наследницы Достоевского, его жены А. Г. Достоевской (в 1918 году), большинство сохранившихся рукописей Достоевского <...> распределены теперь по собраниям: Московского Исторического музея, Центрархива <...> и Пушкинского Дома при Российской академии наук <...>; в Российской публичной библиотеке <...> хранится лишь рукопись речи о Пушкине» (Комарович, 1925: 55).

Дальнейшая судьба архива Достоевского прояснялась в заметке Л. А. Зандера (несмотря на ряд неточностей, в целом верно передающей ситуацию), опубликованной в 1927 году в парижском журнале «Путь»: «С прошлого года мюнхенское издательство R. Piper приступило к изданию недавно открытого архива Ф. М. Достоевского <...> Весь <...> материал <...> поступил в ученую обработку проф. Сакулина, Бродского, Гливенко, Гроссмана, Комаровича. Из их работы было издано немного <...> А затем весь архив со всеми учеными комментариями названных авторов был продан советскими властями мюнхенской фирме, которая уже зарекомендовала себя прекрасным изданием полного собрания сочинений Достоевского <...>. Таким образом, архив Достоевского выходит сначала на немецком языке, и только после выхода всего издания <...> будет опубликован по-русски» (Зандер, 1927: 133).

Авторитетный литературовед-эмигрант А. Л. Бем, в 1920–1930-е годы руководивший в Праге знаменитым семинарием по изучению творчества Достоевского,

⁵ Перевод с немецкого А.Б. Криницына.

к проекту первой публикации рукописей Достоевского на немецком языке отнесся критически, упрекнув как издательство “Piper”, приобретающее право приоритетной публикации рукописей Достоевского «на всех языках, включая и русский», так и Советское правительство, в ущерб национальным интересам сдавшее творчество великого русского писателя «иностранию в концессию» (Бем, 1925).

Анализируя выпуски 1926–1928 годов («Неизвестный Достоевский», «Дневник Раскольникова» и «Первообраз “Братьев Карамазовых”»), С. И. Гессен отмечал: «Совершенно впервые опубликованы в немецком издании, по-видимому, только следующие вещи: записки “О Христе”⁶ – из 1-го тома; статья П. Сакулина об “Идиоте” – из 2-го тома и все содержание тома, посвященного “Бр<атьям> Карамазовым”» (Гессен, 1929: 504).

Особую ценность последней из названных книг отметили практически все рецензенты серии: А. К. Горский, Н. Н. Третчиков, С. И. Гессен, Г. В. Флоровский, А. Л. Бем, Э. Френцен, А. Хакель, Т. Кампманн, А. Демпф и др.⁷ Наиболее цельное и аргументированное представление о составе и ценности главного тома немецкого «Наследия Достоевского» дает единственная развернутая рецензия, появившаяся в Советском Союзе: «Книга, которая вышла в Германии, на немецком языке, <...> состоит из трех частей»: «предисловие Фрейда, большое исследование Комаровича и материалы к “Братьям Карамазовым”». Эти последние опять же делятся на текст рукописи, который очень внимательно проверил Комарович, комментарии к тексту и добавленные письма Достоевского, которые касаются “Братьев Карамазовых”. При этом вторая и третья часть книги – материалы и работа Комаровича, которые, будучи тесно связанными между собой, почти предусматривают одна другую <...> Комарович старательно прокомментировал рукописи. Он не только сам отмечает важнейшие этапы эволюции отдельных тематических отрезков, но и неоднократно добавляет к комментариям газетный, публицистический материал, который объясняет те или другие факты <...> возможно, что вся исследовательская литература о Достоевском не знает более выдающейся и более продуманной работы, чем эта книга <...>» (Немеровська, 1930: 212–214)⁸.

Первая из шести глав развернутого «Предисловия» Комаровича к тому о «Братьях Карамазовых» называется «Отцеубийство и учение Федорова о “телесном воскрешении”». Здесь русский ученый утверждает, что в основу замысла последнего романа Достоевского легли идеи Н. Ф. Федорова, «пропущенные» писателем сквозь призму учения Вл. С. Соловьева и «соотнесенные с собственными построениями» (Цит. по: Гачева, 2008: 28)⁹. Федоровская апология «родства», «сыновства» и «вытекающего из него братства» становится для Комаровича ключом к пониманию «мистики земли» в «Братьях Карамазовых»: «Состояние сиротства позволяет людям вступить в родственные отношения с Землей, которая приняла в себя прах их отцов, и Земля

⁶ В советских изданиях Ф.М. Достоевского эта запись от 16 апреля 1864 года известна, как «Маша лежит на столе. Увижу ли с Машей?» (См.: Достоевский, 1980: 172–175).

⁷ Этот факт установлен А. Г. Гачевой и А. Б. Криницыным.

⁸ Перевод с украинского А. В. Тоичкиной.

⁹ Перевод с немецкого А. Г. Гачевой.

становится им дороже; она приковывает дикаря к себе и превращает его, беззаботного странника, в трудолюбивого, мирного земледельца» (F. M. Dostojewski, 1928: 11)¹⁰. В следующей главе «Мистика Достоевского и прототипы старца Зосимы» прослеживаются модификации карамазовской «необделанной земляной силы» (Достоевский, 1976: 201) во всех героях романа. А в анализе учения св. Тихона Задонского, главного прототипа Зосимы, внимание сосредоточено на «представлении о созревании Божия царства на земле» (F. M. Dostojewski, 1928: 107) и «образе припавшего к земле созерцателя» (F. M. Dostojewski, 1928: 111)¹¹, который был по-новому интерпретирован автором «Братьев Карамазовых» в лице Алеши. Одной из «четырех ведущих идей в учении старца Зосимы» (название третьей главы «Предисловия») стала, по Комаровичу, идущая от «Сказания инока Парфения»¹² восторженная любовь к земле – с объятиями, целованиями, слезами... (См.: F. M. Dostojewski, 1928: 124–125).

Как следует из опубликованной Фюлоп-Миллером статьи “Der Narr in Frak. Auf den Spuren von Dostoevski nachgelassenen Schriften” в немецком журнале «Der Monat»¹³, в Россию молодой авантюрист поехал один, по собственной инициативе, мечтая найти неизвестные записные книжки любимого писателя, связанные с романом «Бесы». С большой долей вероятности, импульсом ему послужила первая сводная публикация главы «У Тихона», представляющая собой контаминацию «петербургского» и «московского» вариантов, опубликованных в 1922 году в России (См.: Достоевский, 1922)¹⁴. В «Предисловии», подписанном инициалами В. К., сказано: «Почти всем читателям Достоевского было известно, что в его романе “Бесы” имеется пробел. Когда роман этот в 1871–1872 годах печатался в “Русском вестнике”, писатель изъял из него набранные уже три главы. Причины, побудившие его к этому, остались неизвестными; полагают, что редактор “Русского вестника”, Катков, не хотел этих глав печатать, но вопрос, почему Достоевский не включил их в последнее издание романа, остается открытым. Известно было также, что изъятые главы хранились у вдовы писателя А. Г. Достоевской, которая их никому не показывала; только первую из печатаемых ниже глав она опубликовала (без вступительных фраз) в юбилейном издании сочинений своего мужа (СПб., 1906).

Ныне, когда А. Г. Достоевская умерла и советское правительство приступило к вскрытию разных тайных архивов, “заветные” главы наконец увидели свет. 12 ноября 1921 г. в помещении Московского Центrarхива <...> был вскрыт ящик с бумагами, принадлежавшими Достоевскому, и в нем оказалась между прочим тетрадь с вклеенными в нее 15 корректурными оттисками пресловутых глав из “Бесов”, которые и были опубликованы Центrarхивом (Москва, 1922). – Одновременно с этим текстом был найден еще другой текст этих же глав в архиве Достоевского, принадлежащем

¹⁰ Перевод с немецкого А. Б. Криницына.

¹¹ Перевод с немецкого А. Б. Криницына.

¹² Парфений (1806–1878) – русский православный иеромонах, автор книги «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и святой земле постриженника Горы Афонския Инока Парфения» (М., 1856), ставшей значительным событием в русской литературе второй половины XIX века.

¹³ Фюлоп-Миллер, Рене. Юродивый во фраке. По следам рукописей Достоевского // Месяц. 1951. Октябрь. № 37 (4) (нем.).

¹⁴ Публикация найдена Г. И. Романовой.

Пушкинскому Дому Российской академии наук. Оригинал этого второго текста писан рукою А. Г. Достоевской и отличается во многом от текста московских корректурных оттисков <...>.

Текст нашего издания следует предназначенной Достоевским для печати редакции московских корректурных оттисков, т. е. изданию Центрархива <...>. Важнейшие варианты рукописи Пушкинского Дома мы отнесли частью в текст, частью <...> в “примечания”» (Достоевский, 1922: 2–3). Несмотря на неточности и ошибки, интригующий характер предисловия сулил дальнейшие находки...

«Наследие Достоевского» собиралось, по словам Фюлоп-Миллера, из нескольких источников. Когда в России узнали, что австрийский путешественник покупает бумаги, относящиеся к жизни и творчеству Достоевского, к нему стали обращаться с неофициальными предложениями частные лица – «<...> присылать много писем, дневников, воспоминаний и реликвий, которые сохранились у племянниц и отдаленных племянников, и родственников, и друзей Достоевского в старых шкапулках» (Fülöp-Miller, 1951: 402). Рене ездил по всей стране, находя новые неопубликованные материалы Достоевского и о Достоевском. Их описи он, к сожалению, нигде не дал. Что конкретно ему удалось получить, помимо материалов в «Госиздате», не установлено. Судя по всему, у Фюлоп-Миллера оказались подлинные документы и рукописи, неизвестные ни «Госиздату», ни впоследствии Р. Пиперу.

Через финскую границу, одновременно с ящиками, где были иконы и другие сокровища русского искусства, Рене вывез чемоданы с материалами Достоевского, среди которых находились никем не учтенные «втайне приобретенные и без разрешения вывозимые бумаги» (Fülöp-Miller, 1951: 403–404). А «годом позднее появляются первые тома неизвестного “Наследия Достоевского” на немецком языке в издательстве “Piper”» (Fülöp-Miller, 1951: 404). Не вошедшие же туда материалы, возможно, все еще ждут своей публикации в затерянных хранилищах.

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14–18–02709).

REFERENCES

- Бем, А. Л. (1925). Концессия на писателя. Судьба литературного наследия Достоевского. *Последние новости*, Париж, 14 мая.
- Бережков, Ф. Ф. (1928). Достоевский на Западе. *Достоевский: Сборник статей*. М.: ГАХН, 277–326.
- Богданова, О. А. (2014). Эстетические идеи Б. Христиансена и российская наука о Достоевском в 1910–1920-е гг. (М. М. Бахтин, Б. М. Энгельгардт, В. Л. Комарович, Ю. А. Никольский). *Новый филологический вестник*, № 4 (31), 21–33.
- Богданова, О. А. (2016). Вячеслав Иванов и становление науки о Достоевском на рубеже 1910–1920-х гг. (М. М. Бахтин, Б. М. Энгельгардт, В. Л. Комарович). *Литературоведческий журнал*, № 39, 143–170.
- Гачева, А. Г. (2008). *Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров: встречи в русской культуре*.

М.: ИМЛИ РАН.

- Гессен, С. И. (1929). Немецкое издание неопубликованных рукописей Ф. М. Достоевского. *Современные записки*, Париж, Вып. XXXVIII, 502–515.
- Достоевский, Ф. М. (1922). *Исповедь Ставрогина. Три непечатанные главы из романа «Бесы»*. München: Orchis Verlag.
- Достоевский, Ф. М. (1976). *Полное собрание сочинений*: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука.
- Достоевский, Ф. М. (1980). *Полное собрание сочинений*: В 30 т. Т. 20. Л.: Наука.
- Зандер, Л. (1927). Архив Достоевского. *Путь*, Париж, № 6, 133–134.
- Комарович, В. Л. (1925). *Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения*. Л.: Образование.
- Мережковский, Д. С. (1906). *I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький*. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова.
- Пиксанов, Н. К. (1923). Новый путь литературной науки. Изучение творческой истории шедевра. (Принципы и методы). *Искусство*, М., № 1, 94–113.
- Смирнов, А. А. (2008). Восприятие русской литературы в Германии (1752–1976). *Сравнительное литературоведение. Россия и Запад. XIX век*. М.: Высшая школа, 28–53.
- Немеровська, О. (1930). Прообраз «Братьев Карамазовых» [Рец.]. *Червоний шлях*. Харьков, № 1, 212–214.
- Garstka, C. (1998). Arthur Möeller van den Bruck und die erste deutsche Gesamtausgabe der Werke Dostojewskis im Piper-Verlag 1906–1919: eine Bestandsaufnahme sämtlicher Vorbemerkungen und Einführungen von Arthur Möeller van den Bruck und Dmitri Mereschkowski unter Nutzung unveröffentlichter Briefe der Übersetzerin E. K. Rahsin. Mit ausführlicher Bibliographie. Geleitwort von Horst-Jürgen Gerigk. Frankfurt am Main [u.a.].
- Gerigk, H.-J. (2004). Dostojewskijs Wirkung im deutschen Sprachraum (Fragmente eines Überblicks vom Fin de siècle bis heute). *Deutschland und Russland: Aspekte kultureller und wissenschaftlicher Beziehungen im 19. und frühen 20. Jahrhundert* / Hrsg. D. Dahlmann, W. Potthoff. Wiesbaden, 95–126.
- Der Dostojewskis Nachlass (1924). *Der Piperbote für Kunst und Literatur*, № 1(4), 118–124.
- Dostojewski, F. M. (1928). *Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente*. Erläutert von W. Komarowitsch. München.: R. Piper.
- Fülöp-Miller, R. (1926). Dostojewskis Handschriften. *Der unbekannte Dostojewski*. München: R. Piper, 3–16.
- Fülöp-Miller, R. (1950). *Fyodor Dostoevsky: Insight, faith, and prophecy*. Translated by Richard and Clara Winston. New York: Charles Scribner's Sons.
- Fülöp-Miller, R. (1951). Der Narr in Frak. Auf den Spuren von Dostoevski nachgelassenen Schriften. *Der Monat*. Oktober 1951, № 37, 395–404.
- Meier-Graefe, J. (1926). *Dostojewskij, der Dichter*. Berlin: Rowohlt-Verlag.
- Kampmann, T. (1931). *Dostoevski in Deutschland*. Münster in Westfalen: Helios.
- Zakharov, V. N. (2010). The Dostoevsky Syndrome. In C. Apollonio (Eds.), *The New Russian Dostoevsky: reading for the Twenty-First*. Translated by Carol Apollonio with Joseph Fitzpatrick. Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 9–24.